БАГРЯНАЯ ИГРА

СБОРНИК
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Облачные скульпторы Коралла D
Джеймс Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард. Облачные скульптуры Коралла D

Аннотация

Нечто Странное, мрачное и зловещее встречает героев в запутанных лабиринтах блестяще сконструированной реальности.

Джеймс Баллард
Облачные скульптуры Коралла D

Все лето облачные скульпторы, слетевшиеся с Багряных песков, кружили на своих разрисованных планерах над коралловыми башнями, что высятся белыми пагодами вдоль шоссе, уходящего к Западной Лагуне. Самая высокая из башен зовется Кораллом D, и здесь, в восходящих потоках над песчаными отмелями, почти всегда собираются лебединые стаи кучевых облаков. Взлетая над вершиной Коралла D, мы вырезали из них единорогов и морских коньков, портреты президентов и кинозвезд, фигуры ящериц и экзотических птиц. На нас глазели снизу из машин, и холодный дождь падал на их пыльные крыши, струясь из облачных обрезков, а наши воздушные статуи уплывали через пустыню в сторону солнца.

Мы вырезали много причудливых скульптур, но самыми странными из них были портреты Леоноры Шанель. Вспоминая жаркий день прошлого лета, когда она приехала поглядеть из своего белого лимузина на облачных скульпторов с Коралла D, я думаю: если бы мы сознавали тогда, с какой серьезностью эта красивая, но безумная женщина смотрит на невесомые творения, проплывающие в безмятежном небе над нею! Если бы знали, что придет час, когда ее портреты, изва-

янные из ураганных туч, прольют грозовые слезы над мертвыми телами своих скульпторов…

Я пришел на Багряные пески три месяца назад — отставной пилот, с трудом привыкающий к сломанной ноге и мысли, что воздушная карьера кончена. Однажды, заехав далеко в пустыню, я затормозил у коралловых башен на шоссе, ведущем к Западной Лагуне. Рассматривая эти гигантские пагоды, вздымавшиеся со дна высохшего моря, я услыхал музыку с недалеких песчаных отмелей.

Ковыляя на костылях по осыпающемуся песку, я добрался до мелкой бухты в дюнах, где поющие статуи медленно разрушались у входа в заброшенную студию. Бывший хозяин оставил пустыне эту похожую на ангар постройку, меня же какая-то неясная потребность заставляла возвращаться туда изо дня в день. Обтачивая найденные там планки и брусья на древнем станке, я собирал больших воздушных змеев, а потом и планеры с кабинами. Они раскачивались надо мной на канатах, и в их причудливых очертаниях было что-то успокаивающее.

Однажды вечером, когда я подтягивал воротом своих змеев, рвавшихся вверх над Кораллом D, налетел внезапный шквал. Я вцепился в рукоятку ворота, зарываясь костылями в песок, — и

тут увидел двух человек, идущих ко мне по осыпающимся дюнам. Один из них был маленький горбун с наивными детскими глазами и уродливой челюстью, скошенной на сторону, как якорная лапа. Он подбежал к вороту и, отпихнув меня мощным плечом, подтянул потрепанных змеев к земле. Помогая мне встать на костыли, он заглянул в ангар, где блестела моя новая гордость: уже не змей, а настоящий планер — с рулями высоты и рычагами управления.

Горбун приложил широкую ладонь к груди:
— Пти Мануэль, акробат и гиревик.

— Нолан! — позвал он, — погляди-ка!

Его товарищ сидел на корточках у поющих статуй и подкручивал спирали, настраивая их в резонанс.

— Нолан — художник, — сообщил Мануэль. — Он вам такие планеры сотворит — полетят как кондоры!

Высокий брюнет уже бродил между планерами, касаясь их крыльев легкими руками скульптора. Мрачные глаза его смотрели исподлобья, как у скучающего Гогена. Он глянул на мою загипсованную ногу, на летную куртку:

— Вы им сделали кабины, майор…

По одной этой фразе чувствовалось, насколько

он меня понимает. Помолчав, Нолан кивнул на коралловые башни, врезанные в вечернее небо.

— Запастись йодистым серебром — и можно резать по облакам.

Горбун кивнул мне ободряюще, в его глазах светились мечтательные огоньки.

Вот так и появились облачные скульпторы с Коралла D. Я тоже считал себя скульптором. Нет, я так и не поднялся в воздух, но выучил летать Нолана и малыша Мануэля, а потом и Шарля Ван Эйка. Нолан встретил этого белокурого пирата где-то в прибрежном кафе на Багряных песках и притащил к нам — молчаливого тевтона с насмешливыми глазами и безвольным ртом. Сезон окончился, богатые туристы с незамужними дочками вернулись на Красный берег, и Ван Эйку стало скучно на Багряных песках.

— Майор Паркер — Шарль Ван Эйк, охотник за головами, — представил его Нолан. — Женскими, разумеется. — Несмотря на их подспудное соперничество, я чувствовал, что Ван Эйк внесет в нашу группу некую толику романтики.

Я сразу заподозрил, что студия в пустыне принадлежит Нолану, а мы все служим какой-то его причуде. Но единственное, что меня тогда волновало, — полеты.

Поначалу планеры на канатах осваивали восходящий поток воздуха над меньшей из башен — Кораллом A, затем над более крутыми B и C и, наконец, взмыли в мощных течениях вокруг Коралла D.

В один прекрасный день, едва я забросил их в воздух, Нолан перерезал канат. Его планер сейчас же перевернулся и пошел вниз на остроконечные скалы. Я успел броситься на землю, когда обрывок каната хлестнул по автомобилю, высадив лобовое стекло. Я поднял голову — Нолан парил в розовой вышине над Кораллом D, и ветер, хранитель коралловых башен, плавно нес его сквозь архипелаги кучевых облаков, отражавших предвечерний свет.

Пока я спешил к вороту, лопнул второй канат — малыш Мануэль устремился вслед Нолану. Калека, неуклюжий краб обернулся в воздухе птицей с гигантскими крыльями, превзойдя и Нолана, и Ван Эйка. Они долго кружили над коралловыми башнями, затем вместе соскользнули с небес на пустынную землю, и песчаные дюны приветствовали их желтыми всплесками, ослепительными на фоне черных облаков.

Пти Мануэль торжествовал. Он вышагивал вокруг меня, как карманный Наполеончик, на-

бирая пригоршнями битое стекло и разбрасывая его над головой, словно кидал в воздух букеты.

Двумя месяцами позже, когда нам довелось повстречать Леонору Шанель, наш восторг первооткрывателей успел иссякнуть. Сезон кончался, и поток туристов совсем поредел. Иной раз мы вырезали свои статуи над пустым шоссе. Бывало, Нолан даже не выходил из отеля — валялся целый день в постели и пил. Ван Эйк все чаще пропадал с перезрелыми дамами, и мы с Мануэлем выезжали одни.

Но в тот день мы собрались все четверо, и вид облаков, поджидающих нас над вершиной Коралла сразу прогнал нашу апатию. Уже через десять минут три планера разом взмыли в воздух, и первые автолюбители стали тормозить на шоссе.

Чернокрылый планер Нолана летел первым, круто забирая к вершине. Ван Эйк чертил опасные зигзаги, демонстрируя свою лихость и белокурую гриву незнакомке в топазовом кабриолете. Пти Мануэль в полосатой, как карамелька, машине гонялся за ним, скользя и крутясь в завихрившемся воздухе. Он вскидывал руки над головой и счастливо ругался — в небе ему было куда уютнее, чем на земле.

Ван Эйк взялся за облако первым. Облетая бе-

лую массу, он распылял кристаллический йодид, ловко отсекая влажные клочья. Они отлетали, кружась, как снежные хлопья. Когда искусственный дождь пролился на шоссе, стало видно, что Ван Эйк делает исполинскую лошадиную голову.

Как всегда, зрителям пришлась по вкусу эта порция воздушного марципана. Она важно плыла в сторону Багряных песков, а Ван Эйк вился над ней, доделывая глаза и уши. Мануэль тем временем приступил ко второму облаку. Вскоре из него показались знакомые черты. Крепкая челюсть, безвольный рот и преувеличенно пышная грива — вырезая эту небесную карикатуру, Мануэль в творческом азарте закладывал такие виражи, что концы крыльев чуть не ударялись друг о друга.

Шарж на Ван Эйка был выполнен в его же собственном худшем стиле. Мануэль лихо сел прямо рядом с моим автомобилем, подмигивая Ван Эйку, который с кислой улыбкой выбирался из своего планера.

За считанные минуты над Кораллом D сформировалось новое облако, и черный планер Нолана налетел на него хищной птицей. Ему что-то кричали с шоссе, но он и не подумал снизиться: крылья планера трепетали, когда он стремительно разделывался с облаком. Через несколько

минут перед нами предстало личико трехлетнего ребенка: толстые щечки, пухлый подбородок и невинный ротик. На шоссе зааплодировали. Завертевшись над облаком, Нолан проворно превратил его верх в кудряшки и банты.

Но я чувствовал, что это не все. В Нолане сидел какой-то холодный бес, подбивавший его разрушать свою же работу всякий раз, как та выходила удачной: казалось, для него невыносим сам вид собственной скульптуры.

Вот он завис над облачным лицом, точно матадор, целящий в быка… Пти Мануэль бросил сигарету, Ван Эйк и тот отвел глаза от туристок в автомобилях. Снова по шоссе зашуршал дождь; облако изменилось, и кто-то из зрителей раздраженно хлопнул дверцей, словно сиденьем в театре.

Над нами висел белый череп.

Несколькими движениями Нолан преобразил скульптуру; но в оскаленных зубах и зияющих глазницах, в каждую из которых вместился бы автомобиль, все еще угадывались детские черты.

Когда плачущий череп отплыл в сторону, волоча за собой последние струйки дождя, я нехотя взял с заднего сиденья свой старый летный шлем и стал обходить машины. Две тронулись рань-

ше, чем я подошел. Какого, собственно, черта отставному, вполне обеспеченному офицеру ВВС понадобилось так зарабатывать эти доллары?..

Ван Эйк догнал меня и забрал из рук шлем: — Не сейчас, майор. Гляньте, кто к нам едет, — конец света, а?

Я оглянулся и увидел белый «Роллс-Ройс» и шофера в кремовой ливрее с галунами. Молодая женщина в изящном деловом костюме наклонилась к переговорному окошку — должно быть, давала ему указания. За ней в полумраке салона мерцало драгоценностями лицо снежноволосой дамы, загадочное, как образ мадонны в темном приморском гроте.

Планер Ван Эйка рванулся в небо, словно боялся упустить облако. Я прищурился, отыскивая в высоте Нолана. Его не было видно, а Ван Эйк уже вырезал из белой массы лицо кукольной Моны Лизы (столь же неприятно похожее на настоящую, как гипсовые статуэтки Святой Девы — на Богоматерь).

Нолан налетел на эту мыльную Джоконду, как уличный мальчишка. Вывернувшись из-за облака за спиной Ван Эйка, он проскочил его творение насквозь, срезав крылом пухлую щеку. Потревоженное облако стало разваливаться, нос

и губы отплыли от лба, пенные клочья потянулись в стороны…

Ван Эйк развернулся так резко, что планеры чуть не сцепились крыльями, — и выпустил в Нолана заряд из йодидного пистолета. Раздался треск, в воздухе замелькали черные тени. Ван Эйк вывалился из облака — его посадка больше походила на падение.

— Шарль! — рявкнул я. — Какого черта ты тут разыгрываешь фон Рихтгофена? Оставьте, Бога ради, друг друга в покое!

— Скажи это Нолану, майор, — отмахнулся Ван Эйк. — Я за его воздушное пиратство не отвечаю. — Приподнявшись в кабине, Шарль холодно озирал клочья обшивки на бортах.

Я повернулся и пошел к машине, решив про себя, что команду скульпторов с Коралла D пора разгонять. Секретарша в белом «Роллс-Ройсе» открыла дверцу и поманила меня рукой. Ее госпожа сидела неподвижно, не отводя от облачной статуи своих обрамленных бриллиантами глаз. Только пряди белых волос, свернувшихся на ее плече, чуть шевелились, подобно гнезду песчаных змей.

Я протянул молодой женщине свой летный шлем. Она глянула удивленно:

— Я не хочу летать — зачем это?

— На упокой души Микеланджело, Эда Кейнгольца и облачных скульпторов с Коралла D.

— О господи! Может быть, у шофера есть наличные… Скажите, вы выступаете еще где-нибудь?

— Выступаем? — Я перевел взгляд с этой милой юной особы на бледную химеру, чьи окруженные драгоценными камнями глаза не отрывались от обезглавленной Моны Лизы. — Мы не профессиональная труппа, как вы, вероятно, заметили. Ну и во всяком случае нам нужны походящие облака. Где именно вы хотите?..

— В Западной Лагуне. — Она достала блокнотик, переплетенный в змеиную кожу. — У мисс Шанель будет серия садовых праздников. Она интересуется, не хотите ли вы выступить — за хорошую плату, разумеется.

— Шанель? Леонора Шанель?

Лицо секретарши стало непроницаемым. (Зачем она закручивает волосы в этот старомодный узелок? — подумал я. — Словно хочет за ним спрятаться от мужских глаз.)

— Мисс Шанель проводит лето в Западной Лагуне. Кстати, я должна подчеркнуть: мисс Шанель желает конфиденциальности. Вы поняли?

Я помолчал. Нолану надоело наконец летать в

одиночку — он опустился с видом оскорбленного Сирано. Ван Эйк тащил свой побитый планер к машине. Малыш Мануэль вперевалку собирал наше имущество. В угасающем свете дня мы действительно смахивали на бродячих циркачей.

— Пойдет, — решил я. — Все ясно. Только как насчет облаков, мисс?..

— Лэфферти, Беатриса Лэфферти. Мисс Шанель обеспечит облака.

Я обошел машины и поделил деньги между Ноланом, Ван Эйком и Мануэлем. Они молча стояли в быстро сгущающихся сумерках, сжимая по нескольку мелких банкнот.

Затянутой в перчатку рукой Леонора неторопливо открыла дверцу и вышла в пустыню. Она скользила меж дюн — беловолосый призрак в плаще из индийских кобр, — и песчаные облачка вздымались вокруг нее, потревоженные дерзкими шагами. Леонора не смотрела на сухие колючки, выраставшие у ее ног: глаза ее все еще были прикованы к тающим в воздухе видениям — облачному коню и детскому черепу, расплывшемуся на полнеба.

В тот раз я так и не понял, что же представляет собой Леонора Шанель. Дочь одного из ведущих финансистов мира, она наследовала и ему и сво-

ему супругу — монакскому графу Луи Шанелю. Загадочные обстоятельства его смерти (официально признанной самоубийством) сделали Леонору предметом множества газетных сплетен. Скрываясь от журналистов, она разъезжала по всему свету, ненадолго задерживаясь в своих многочисленных имениях — тенистая вилла в Танжере сменялась альпийским домиком в снегах над Понтрезино, Палм-Спрингс — Севильей и Микенами…

В этом добровольном изгнании она была почти недосягаема для газетчиков. Лишь изредка в журналах попадались ее фотографии: мисс Шанель с герцогиней Аль-ба посещают католический приют в Испании, мисс Шанель с Сорейей принимают солнечные ванны на вилле Дали в Порт-Льегате, мисс Шанель блистает в самом избранном обществе на фоне блистающих волн Коста-Браво… И снова она скрывалась из виду.

Но это изысканное затворничество не могло придать ей ореола светской Гарбо, потому что за ней все годы тянулась тень подозрения. Смерть ее мужа казалась необъяснимой. Граф был занят собой, пилотированием собственного самолета, посещением археологических раскопок на Пелопоннесе; его любовница, молодая красави-

ца-ливанка, считалась одной из лучших в мире исполнительниц Баха. Зачем было этому спокойному и добродушному эгоисту кончать с собой — так и оставалось загадкой. Единственное многообещающее свидетельство — не законченный графом поясной портрет Леоноры — по странной случайности погибло перед самым процессом. Возможно, портрет передавал такие черты характера модели, в которые она предпочитала не вдумываться…

Неделю спустя, накануне назначенного праздника, я подъезжал к владениям Леоноры. Я уже понимал, почему ее капризный выбор пал на это занесенное песками местечко в Западной Лагуне с его летаргией, знойным томлением и зыбкой перспективой. Поющие статуи на пляже совсем одичали, их пение срывалось на визг, когда я проносился мимо них по пустынной дороге. Поверхность озера казалась гигантским радужным зеркалом, отражающим багрец и киноварь береговых дюн. Три планера, бесшумно летевшие надо мной, бросали на нее тени цвета пурпура и цикламена.

Мы вступили в пылающий мир. В полумиле от нас уже виднелись причудливые очертания виллы, трепетавшие в раскаленном воздухе,

словно она готова была в любую секунду перенестись куда-то во времени и пространстве. Позади, в тусклом мареве, угадывались крутые откосы широкого плато. Я остро позавидовал Нолану с Мануэлем: здешние воздушные течения будут не чета нашим у Коралла D!

Только когда я подъехал вплотную, дымка рассеялась — и я увидел облака. Они висели в сотне футов над вершиной плато, точно перекрученные подушки измученного бессонницей титана. Они клубились и вскипали на глазах, от них отделялись куски, проваливались или вылетали вверх, как клочья в кипящем котле. Попасть в такое варево на планере — страшнее, чем на шлюпке в водоворот: за считанные секунды тебя может выбросить на тысячи футов вверх. Эти драконы из пара и вихрей, шевелясь и сталкиваясь, проплывали над виллой, уносились от озера в пустыню и там медленно таяли, пожираемые зноем.

Въезжая в ворота, я чуть не столкнулся с грузовиком, набитым звукосветовой аппаратурой. Не меньше десятка слуг расставляли на веранде золоченые стулья и разворачивали навес. Беатриса Лэфферти подошла ко мне, переступая через разбросанные кабели:

— Майор Паркер, вот ваши облака.

— Облака, сударыня? Это хищники, крылатые хищники. Мы занимаемся, простите, резьбой по воздуху, а не объезжаем драконов!

— Не беспокойтесь: ничего, кроме резьбы, от вас не потребуется. — Ее глаза лукаво блеснули. — Я думаю, вы уже поняли, что призваны здесь воплощать только один образ?

— Саму мисс Шанель, разумеется? — Я взял ее под руку и повел по балкону, выходящему на озеро. — А вам, по-моему, нравится подчеркивать такие вещи. Да пусть себе богачи заказывают что им нравится — хоть мрамор и золото, хоть облака и плазму. Что тут такого? Искусство портрета всегда нуждалось в меценатах.

— Господи, не здесь! — Беатриса пропустила лакея с кипой скатертей. Когда тот прошел, она все-таки договорила: — Заказать себе портрет в небесах, из воздуха и солнца! Кое-кто сказал бы, что от этого тянет тщеславием — и еще худшими грехами…

— А именно? — поддразнил я. — Вы очень таинственны!

Беатриса посмотрела на меня отнюдь не секретарскими глазами:

— Это я вам скажу через месяц, когда истечет мой контракт. Ну, где же ваша команда?

— Вон они, — я показал в небо над озером, где три планера кружились над песчаной яхтой, вздымавшей облака сиреневой пыли. За спиной водителя сидела Леонора Шанель в золотистом костюме из кожи аллигатора. Волосы ее скрывала черная соломенная шляпка, но не узнать эту эффектную фигуру и резкий профиль было невозможно.

Когда яхта причалила, Ван Эйк и Пти Мануэль устроили импровизированное представление с обрывками облаков, мирно таявшими над озером. Ван Эйк вырезал из них орхидею, сердце и улыбающиеся губы, а малыш — голову какаду, двух одинаковых мышей и вензель «ЛШ». Пока они кружились и пикировали, иной раз чиркая крыльями по воде, Леонора оставалась на набережной и любезно приветствовала взмахом руки каждую из этих летучих банальностей.

Вскоре они приземлились на набережной. Леонора все еще ждала, чтобы Нолан взялся за одну из туч, но он только метался вверх и вниз над озером, как усталая птица. Владетельница огненного края стояла недвижно, словно погруженная в тяжелые грезы; ее взгляд, прикованный к Нолану, не видел ни шофера, ни моих товарищей, ни нас с Беатрисой. Воспоминания — каравеллы без

парусов — проплывали в сумрачной пустыне ее погасших глаз…

Леонора встречала гостей в декольтированном платье из органди и сапфиров, ее обнаженные груди сверкали в ажурной броне контурных драгоценностей. Тем временем Беатриса провела меня через стеклянные двери библиотеки взглянуть коллекцию картин, собранную на вилле. Я насчитал их больше двадцати: от величественных парадных портретов в гостиной (на одном была подпись Аннигони, на другом — президента Королевской Академии) до фантастических этюдов Дали и Фрэнсиса Бэкона в столовой и баре. Где бы мы ни проходили, отовсюду — из альковов, украшенных мраморными полуколоннами, из узорных рамок на каминных полках, даже со стенных росписей на лестнице — на нас смотрело одно и то же красивое и замкнутое лицо. Может быть, этот чудовищный нарциссизм был последним прибежищем, единственным спасением в ее бесконечном бегстве от реального мира?

В студии на крыше я увидел большую картину, блестевшую свежим лаком. Это была явная пародия на сентиментальную манеру светских портретистов: голубоватые тона и манерный поворот головы превращали портрет Леоноры в

образ мертвой Медеи. Дряблая кожа под правой щекой, гладкий лоб и стиснутый рот придавали ей окоченелый вид: при всей своей точности портрет выглядел жутковатым шаржем.

Я глянул на подпись.

— Нолан! Боже, вы были здесь, когда он это писал?

— Я здесь всего два месяца — это было до меня. Она не пожелала заказывать раму.

— Неудивительно, — я подошел к окну, поглядел вниз, на прикрытые маркизами окна спален. — Значит, он жил *здесь*. А студию у Коралла D бросил.

— Но зачем Леонора опять пригласила его? Они же, должно быть…

— Чтобы он опять делал ее портреты — в размер всего неба. Я лучше знаю Леонору Шанель, чем вы, Беатриса.

Мы вернулись мимо множества каминов, жардиньерок и канапе на веранду, где Леонора принимала гостей.

Нолан в белом замшевом костюме стоял с нею рядом. Изредка он поглядывал на нее с высоты своего роста, словно забавляясь мыслями о тех странных возможностях, какие самовлюбленность этой женщины могла предоставить его

мрачному юмору.

Леонора прижималась к его локтю. Обрамленные сапфирами глаза делали ее похожей на языческую жрицу. Груди, окованные контурными драгоценностями, были неподвижны, как притаившиеся змеи.

Ван Эйк представился с преувеличенным поклоном. За ним подошел Мануэль, от волнения раскачиваясь больше обычного.

Рот Леоноры презрительно скривился, она смерила взглядом мою негнущуюся ногу.

— Вы, Нолан, наполняете свой мир калеками. Этот ваш карлик — он что, тоже летает?

Пти Мануэль так и не отвел от нее глаз. Они были влажны, как раздавленные цветы.

Представление началось через час. Огромные облака, подсвеченные закатным солнцем, висели над плато, как золоченые рамы для будущих картин. Планер Ван Эйка спиралью поднимался к первому облаку, срывался и карабкался снова, угадывая путь в сталкивающихся вихрях.

Когда обрисовались лоб и скулы, гладкие и безжизненные, точно из пены, гости на веранде зааплодировали. Через пять минут, когда планер Ван Эйка спустился к поверхности озера, я понял, что он превзошел самого себя.

Облитый светом прожекторов, сопровождаемый аккордами увертюры к «Тристану» (динамики были установлены на склоне плато), портрет Леоноры торжественно плыл над нами, источая мелкий дождь. Мне казалось, что он раздувается от всей этой помпезности, словно гигантская резиновая игрушка.

Облако попалось удачное: до самой береговой линии оно сохраняло форму, а потом сразу расплылось в вечернем воздухе, словно чья-то раздраженная рука смахнула его с небосклона.

Пти Мануэль начал подъем, крутясь вокруг темного облака, словно уличный сорванец вокруг мрачной толстухи. Он метался в разные стороны, как будто не мог решить, что делать с этой непредсказуемой колонной холодного пара; потом начал вырезать контуры женской головы. Кажется, никогда я не видел его таким неуверенным. Едва он закончил, снова раздались аплодисменты, но вскоре сменились хихиканьем и игривыми замечаниями. Приукрашенный портрет Леоноры перекосился в воздухе, подхваченный встречными течениями. Челюсть вытянулась, застывшая улыбка стала идиотической. За какую-то минуту громадное подобие Леоноры Шанель вывернулось вниз головой.

Я сообразил отвести прожектора, и внимание зрителей обратилось к чернокрылому планеру Нолана, взлетевшему к вершине нового облака. Обрывки облачной ваты кружили в темнеющем воздухе, мелкий дождь скрывал до времени его двусмысленное творение.

К моему удивлению, портрет вышел очень похожим. Взрыв аплодисментов, несколько тактов из «Тангейзера» — и прожектора озарили элегантную голову.

Стоя среди гостей, Леонора подняла бокал в честь Нолана.

Озадаченный его благородством, я приглядел ся к небесному лицу — и все понял. Именно точность портрета заключала в себе жестокую иронию. Обращенная вниз линия рта, вздернутый, чтобы натянуть кожу на шее, подбородок, дряблое местечко под левой щекой — все было передано в облаке с той же убийственной дотошностью, что и в живописном портрете.

Гости толпились вокруг Леоноры, поздравляя ее с удачным представлением. Она же не отводила глаз от своего облачного портрета, словно видела себя впервые. На висках ее выступили вены…

Наконец голубые и розовые огни фейерверка затмили плывущее над озером изображение.

Незадолго до рассвета мы с Беатрисой Лэфферти шли по пляжу, наступая на скорлупу сгоревших ракет. На опустевшей веранде в лучах фонарей блестели неубранные стулья. Едва мы дошли до ступеней, наверху раздался звон стекла и женский возглас. Стеклянная дверь с треском растворилась; мужчина в белом костюме торопливо пересек веранду.

Едва Нолан исчез в темноте, в освещенное пространство вступила Леонора Шанель. Устремив взгляд в темные облака, клубящиеся над виллой, она рассеянно обрывала драгоценности с глаз; они падали на плиты пола и слабо вспыхивали у ее ног.

Из-под эстрады вдруг вывернулся Пти Мануэль и быстро пробежал на своих кривых ножках во тьму.

За воротами взревел мотор. Леонора повернулась и медленно пошла в дом, ступая по своим изломанным отражениям в осколках стекла.

Высокий блондин с холодными и жадными глазами шагнул ей наперерез из-за поющих статуй, стерегущих темную библиотеку. Потревоженные статуи отозвались тихим гулом. Когда Ван Эйк медленно двинулся навстречу Леоноре, они подхватили и усилили звук его шагов.

Следующему нашему представлению суждено было оказаться последним.

К вечеру над озером собрались тяжелые тучи, тусклый отблеск солнца зловеще подсвечивал их черные чрева… Такие облака — не для скульпторов.

Ван Эйк не отходил от Леоноры. Когда я разыскал Беатрису, она хмуро глядела вслед песчаной яхте, рывками мчавшей их к озеру. Предгрозовые шквалы трепали и дергали паруса.

— Я не вижу ни Нолана, ни Мануэля, — сказала она озабоченно. — Представление начинается через три часа.

— Представление уже окончено. — Я положил руку на ее локоть. — Когда освободитесь отсюда, Беа, приезжайте ко мне. Будем жить у Коралла D, я научу вас резать статуи из облаков…

Ван Эйк и Леонора вернулись через полчаса. Он прошел мимо меня, как мимо пустого места; Леонора прижималась к его плечу. Дневные драгоценности на ее лице ярко вспыхивали, разбрасывая резкие отблески по всей веранде.

К восьми, когда начали съезжаться гости, Нолана и Мануэля еще не было. В электрическом свете веранда стала теснее и уютнее, но черные громады туч нависали над нею, словно разгневанные

гиганты. Крылья наших планеров трепетали в неспокойном воздухе.

Шарль Ван Эйк не продержался в небе и минуты — опрокинутый порывом бури, его планер сорвался в штопор. В пятидесяти футах над плато он сумел выровняться и поймал восходящий поток. Пока он не приблизился к туче, планер слушался, но при первой попытке оседлать вершину чудовищного облака машину опять перевернуло, закрутило — и на глазах у Леоноры и гостей планер с оторванным крылом врезался в воду.

Я вскочил и двинулся к Леоноре. И тут увидел Нолана с Мануэлем: стоя под балконом, они молча смотрели, как Ван Эйк выбирается из тонущего планера в трех сотнях ярдов от дома.

— Зачем было приходить? — спросил я Нолана. — Ты уж не летать ли собрался?

— Нет, — процедил он, не вынимая рук из карманов. — Потому и пришел.

Леонора блистала в вечернем туалете из павлиньих перьев, развернувшихся гигантским шлейфом у ее ног. Сотни павлиньих глаз вспыхивали, отражали предгрозовой свет, облекая ее тело кольчугой синего пламени.

— Мисс Шанель, — проговорил я извиняющимся тоном, — облака как безумные. Сейчас будет

буря!

Она кинула на меня насмешливый взгляд.

— А рисковать вы что — не собирались? Для таких облаков мне нужен крылатый Микеланджело. А что Но-лан? Тоже испугался?

Она почти выкрикнула это имя. Нолан вскинул на нее глаза — и повернулся спиной. Освещение над Западной Лагуной уже сменилось: половину озера заволокло тусклым маревом.

Меня дернули за рукав: это Пти Мануэль уставился снизу хитрыми детскими глазами.

— Реймонд, а я могу! Дай я возьму планер.

— Мануэль, бога ради! Убьешься!

Но он уже проскочил между золочеными стульями. Леонора вздрогнула, когда он с той же бесцеремонностью дернул за руку и ее.

— Мисс Шанель! — Горбун смущенно улыбался. — Хотите, я для sac вырежу статую? Прямо сейчас, из большой тучи, а?

Она смотрела на него сверху вниз, не отвечая. Казалось, ее и отталкивает и дразнит простодушие карлика — он пожирал ее взглядом, нисколько не стесняясь всей сотни холодных глаз ее шлейфа.

Ван Эйк, хромая, брел от озера к вилле. Я догадывался, что Мануэль вступил в негласное

соперничество с белокурым тевтоном.

Лицо Леоноры тронула гримаса.

— Майор Паркер, велите ему… Хотя нет! Поглядим, на что годен этот калека.

Облачная масса, клубившаяся над виллой подобно испарениям зловещего вулкана, подсвечивала ее лицо странными тусклыми отблесками.

Она вдруг просияла над Мануэлем своей ослепительной улыбкой:

— Ну, давай! Посмотрим, что ты вырежешь из грозы! В ее сверкающем драгоценностями лике, казалось, проступили очертания мертвой головы.

Под стеклянный хохот Леоноры Нолан перебежал террасу, павлиньи перья хрустнули под его каблуками. Но перехватить Мануэля мы не успели — ужаленный насмешкой госпожи, он с быстротой песчаного краба скользил по склону. А на веранде уже собирались зрители-…

Желто-оранжевый планер набрал высоту и поравнялся с тучей. В пятидесяти ярдах от ее мрачных извилин внезапный вихрь ударил машину, но Мануэль выровнялся и начал работу. Капли черного дождя сорвались к нашим ногам.

Вот появились очертания женского лица. Сатанинские глаза горели сквозными прорезами в

туче, рот кривился темным пятном в шевелящейся облачной массе…

Нолан, уже подбегая к планеру, громко вскрикнул. Мануэля подхватил восходящий поток и вознес высоко над тучей. Борясь с обезумевшим воздухом, его планер устремился вниз и снова врезался в тучу. Ее гигантская масса вдруг разомкнулась, устремилась вперед как бы в чудовищном спазме и поглотила машину.

В молчании мы смотрели, как размочаленный планер крутило в чреве тучи. Обломки фюзеляжа разлетелись, пронзая расползающиеся контуры гигантского лица. Когда планер рухнул в воду, это лицо уже корчилось в агонии. Его перекрутило, рот оторвался, глаз лопнул, куски заворачивались в разные стороны… Новый шквал превратил их в ничто.

С ярко освещенного прожекторами неба все еще сыпались обломки планера.

Мы с Беатрисой Лэфферти объезжали озеро, искали тело Мануэля.

Зрители, ставшие свидетелями его смерти, потеряли вкус к представлению: общество поспешно разъезжалось. За несколько минут берег опустел. Леонора равнодушно глядела вслед отъезжающим, стоя рядом с Ван Эйком среди

неубранных столов.

Беатриса, застыв у песчаной яхты, молчала. На песке валялись обломки планера, — обрывки холста, размочаленные стойки, схлестнувшиеся узлами рулевые тяги. В нескольких ярдах от кабины я увидел тело Пти Мануэля — мокрый ком, вроде утонувшей обезьяны, — и отнес его к яхте.

— Реймонд! — Беатриса обернулась к берегу. Тучи сгустились уже над всем озером, первые вспышки молний целили в холмы позади дома. В наэлектризованном воздухе вилла, казалось, утратила всю свою пышность. В полумиле от нас, спустив шевелящийся хобот к озеру, шел по долине смерч.

Грозовой вихрь качнул яхту. Беатриса крикнула:

— Реймонд! Там Нолан — летит в смерче!

Тогда только я различил чернокрылый планер, чертивший круги под чудовищным зонтом смерча. Нолан уверенно вел машину у самой воронки, не отставая от гиганта, словно рыбка-лоцман возле огромной акулы. Казалось, это он гонит торнадо на виллу Леоноры.

Через двадцать секунд смерч обрушился на здание, и я сразу потерял Нолана из виду. Вилла словно взорвалась, черный вихрь разбитых

стульев и кирпичей вымахнул над крышей. Мы с Беатрисой бросились прочь от яхты и упали в какую-то яму. Когда смерч удалился, сливаясь с грозовым небом, черное марево еще висело над разгромленной виллой, и обломки порывались снова взлететь. Вокруг нас носились обрывки картин и перекрученные перья.

Только через полчаса мы осмелились подойти к тому, что совсем недавно было виллой. Веранда была завалена разбитой посудой и изломанными стульями. Я долго не мог найти Леонору. Ее лицо попадалось повсюду: картины с ее резким профилем валялись тут и там на мокрых камнях. Ее улыбка, кружась, слетела на меня откуда-то сверху и обернулась вокруг моей ноги.

Ее труп лежал среди разбитых столов у эстрады, облепленный окровавленным холстом. Лицо было все перекошено и разбито, как у того портрета, что Мануэль пытался вырезать в туче.

Ван Эйка мы нашли в клочьях навеса. Он повис в путанице проводов, захлестнутый за шею гирляндой лампочек. Провода чудом не оборвались, и лампочки расцвечивали бледное мертвое лицо разноцветными бликами.

Я склонился над перевернутым «Роллс-Ройсом», сжал плечи Беатрисы.

— А Нолана нет — не видно ни куска его планера.

— Несчастный… Реймонд, ведь это он привел сюда смерч! Он управлял им…

По мокрой веранде я вернулся к телу Леоноры и прикрыл его обрывками холстов — ее же растерзанными лицами.

Я увез Беатрису в студию Нолана, в пустыню у подножия Коралла D. Мы ничего больше не слышали о Нолане и никогда не поднимались в воздух. Слишком много воспоминаний несут облака…

Три месяца назад случайный проезжий, заметив ветшающие за студией планеры, остановился у Коралла D и зашел к нам. Он рассказал, что видел над Красным берегом планериста, вырезавшего из облаков гирлянды и детские лица. Как-то раз тот вырезал голову карлика.

Это, по-моему, как раз в духе Нолана, — так что, пожалуй, он вырвался тогда из объятий бури.

По вечерам мы с Беатрисой сидим среди поющих статуй, внимая их голосам и глядя, как легкие облака собираются над Кораллом D. И ждем, что ветер принесет человека в темнокрылом планере (или теперь он будет раскрашен карамельными полосами?) и тот вырежет нам

облачных единорогов и морских коньков, карликов, гирлянды и детские лица…